

18+

ВЛАДИМИР ФЕТИСОВ

МЯТЕЖНЫЙ ГЕНЕРАЛ

Владимир Фетисов
Мятежный генерал

«Издательские решения»

Фетисов В. В.

Мятежный генерал / В. В. Фетисов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531661-5

Книга рассказывает о Л. Г. Корнилове: выдающемся военном деятеле, разведчике, дипломате, полководце. Журнальный вариант печатался в газете «Новости Узбекистана».

ISBN 978-5-00-531661-5

© Фетисов В. В.
© Издательские решения

Содержание

Мятежный генерал	6
Глава первая	8
Глава вторая	11
Туркестан	11
Глава третья	13
Глава четвёртая	15
Дерзкий рейд в Афганистан	15
Глава пятая	21
Кашгар	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мятежный генерал

Владимир Васильевич Фетисов

© Владимир Васильевич Фетисов, 2021

ISBN 978-5-0053-1661-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мятежный генерал

Лавр Корнилов – разведчик, исследователь, дипломат, полководец.

Вместо предисловия

«Жаркое утро 31 марта было безоблачно. От зазеленевшей земли поднимались волны испарений. Лениво в крутых берегах текли мутно-желтые воды Кубани, нарушаемые лишь плеском рыбы. Было тихо. Лишь изредка хлопал выстрел да бухала вдалеке пушка, посвистывая, пронеслась граната. Люди отдыхали, чтобы назавтра начать новый кровавый бой.

Подпоручик Долинский курил на крыльце дома. Думал: «Помыть бы рубашку, кальсоны, носки... Хорошо бы искупаться». Даже птица какая-то залетная весело посвистывала в роще. Долинский поднял голову. Фюить – ширкнула граната прямо в зеленую рощу. С железным скрежетом разорвалась. Птичка больше не пела. Долинский бросил окурочек в глупую курицу, непонятно как не попавшую в суп, вздохнул, вернулся в дом, сел у двери, но сейчас же вскочил и вошел в полутемную комнату. Корнилов стоял у стола, подтягивая брюки.

– Что, чай еще не готов? – спросил он тихо.

– Через минуту будет готов, ваше высокопревосходительство, я распорядился.

Корнилов сел к столу, положил на него локти, поднес сухонькую ладонь ко лбу, потер морщины.

– Что-то я вам хотел сказать, подпоручик... Вот не вспомню, просто беда...

Долинский, ожидая, что он скажет, нагнулся над столом. Все это было так непохоже на главнокомандующего – тихий голос, растерянность, – что ему стало страшно.

Корнилов повторил:

– Просто беда... Вспомню, конечно, вы не уходите... Сейчас глядел в окно – утро превосходное – Да, вот что...

Он замолчал и поднял голову, прислушиваясь. Теперь и Долинский различал приближающийся, надрывающий вой гранаты, казалось – прямо в занавешенное окно. Долинский попятился. Страшно треснуло над головой. Рвануло воздух. Сверкнуло пламя. По комнате метнулось снизу-вверх растопыренное тело главнокомандующего...

Долинского выбросило в окно. Он сидел на траве, весь белый от извести, с трясущимися губами. К нему побежали...

У тела Корнилова, лежавшего на носилках и до половины прикрытого буркой, возился на корточках доктор. Поодаль стояли кучкой штабные, и ближе их к носилкам – Деникин, – в неловко надетой широкополой фуражке.

Минуту назад Корнилов еще дышал. На теле его не было видимых повреждений, только небольшая царапина на виске. Доктор был невзрачный человек, но в эту минуту он понимал, что все взгляды обращены на него, и, хотя ему было ясно, что все уже кончено, – он продолжал со значительным видом осматривать тело. Не торопясь, встал, поправил очки и покачал головой, как бы говоря: «К сожалению, здесь медицина бессильна».

К нему подошел Деникин, проговорил придушенно:

– Скажите же что-нибудь утешительное.

– Безнадежен!

– Доктор развел руками.

– Конец».

Это отрывок из классического романа Алексея Толстого «Хождение по мукам». Эпизод гибели командующего Добровольческой армией генерала Лавра Георгиевича Корнилова.

В советское время роман входил в обязательную программу средней школы за восьмой, по-моему, класс. Имя генерала Корнилова упоминалось и в школьном учебнике истории.

Упоминалось с неизменно отрицательными эпитетами – «кровавый генерал», «контрреволюционер», «несостоявшийся Бонапарт». И совсем ничего не писалось, и не говорилось в то время о его выдающихся заслугах, как исследователя, учёного, дипломата, разведчика, полководца. Лишь спустя многие годы мы узнали подлинный масштаб этой неординарной личности. О выдающемся исследователе, учёном-востоковеде, разведчике, дипломате, военачальнике, Лавре Георгиевиче Корнилове, мы и попытаемся рассказать в этой книге.

Глава первая

Начало славных дел...

18 августа 1870 года, в сибирском городке Усть-Каменогорске, в небольшом домике на берегу Иртыша, где проживал с семьёй служивый казак Георгий (Егор) Корнилов, родился первенец. На свет он появился слабым и хилым, и родители поспешили окрестить младенца, – вдруг не выживет. Назвали Лавром. Отец нашего героя служил хорунжим в Сибирском казачьем войске, а мать, которую звали Мария Ивановна была, по разным сведениям, то ли казашкой, то ли киргизской из кочевого рода, обитавшего на левом берегу Иртыша. Будущий маршал СССР Борис Михайлович Шапошников, служивший в 1903 году в Ташкенте с младшим братом Лавра Георгиевича Петром, вспоминал, что тот рассказывал ему об отце и матери. «Петр Корнилов из юнкерского училища, – пишет Шапошников в воспоминаниях, – брат небезызвестного впоследствии генерала Корнилова, был назначен в 4-ю роту. Родители Корниловых, по рассказу младшего Корнилова, жили в Западной Сибири. Отец – русский – занимал должность переводчика при уездном начальнике, мать же была простая киргизка. Отсюда и монгольский тип лица, который унаследовали дети». Здесь, нужно иметь в виду, что в дореволюционной России киргизами называли казахов. Впрочем, это не суть важно. Кровь матери сильно сказалась на внешности будущего полководца, что очень помогло ему в будущей деятельности разведчика.

Полу-казак, полу-казак,
Истёрты стремяна,
И в узко-пристальных глазах —
Пустынная страна.

Напишет спустя десятилетия о Корнилове поэт Михаил Синельников.

Детские годы Лаврика, как звали его в семье, прошли в станице Каркалинская. Здесь, в возрасте 9 лет, он поступает в приходскую школу, где детей учили чтению, письму, литературе, основам географии и конечно закону Божьему.

В 1881 году хорунжий Корнилов, вместе с семьёй, перебирается к новому месту службы – городок Зайсан на русско-китайской границе. С самого раннего детства Лаврик мечтает быть военным и, когда ему исполняется 13 лет, он, вместе с отцом, отправляется в дальний путь, – в город Омск, где находился Сибирский кадетский корпус.

На Лавра, никогда ранее не бывавшего в больших городах, Омск произвёл ошеломляющее впечатление. Широкие, мощёные улицы, городской сад, величественный Свято-Николаевский собор и, конечно само здание Кадетского корпуса, вытянувшееся на целый квартал.

Однако, времени на экскурсии по городу не было. Уже на следующий день начались вступительные экзамены. Лавр шёл на них, страшно волнуясь. Он прекрасно понимал – ему тяжело будет соревноваться с получившими блестящее образование детьми офицеров и дворян. Результат действительно оказался неважным. Но была в этом мальчике такая скрытая харизма, такая тяга к знаниям и незаурядная внутренняя сила, которую не могли не заметить экзаменаторы. И, 13 сентября 1883 года, Лавр Корнилов, становится кадетом начального класса Сибирского кадетского корпуса.

С первых же дней учёбы Корнилов становится лучшим учеником класса и остаётся им на всём протяжении пятилетнего обучения. Каждому выпускнику корпуса давалась аттестация и вот, что написал, характеризуя Корнилова, директор училища генерал Пороховщиков: «Развит, способности хорошие, в классе внимателен и заботлив, очень прилежен. Любит чтение и музыку... Скромнен, правдив, послушен, очень бережлив, в манерах угловат. К старшим почтителен, товарищами очень любим, с прислугою обходителен. Трудолюбив и постоянно с охотой помогает товарищам в занятиях и оказывает на них доброе влияние. Серьёзен.

Послушен и строго исполнительен. К порядкам и правилам, установленным в заведении, относится с полным вниманием. К родным относится с любовью и часто пишет им письма.»

Во время обучения у Лавра проявился ещё один талант – филологический. В седьмом классе он переводит с французского на русский популярный в то время роман Бернарда де Сен-Пьера «Поль и Виргиния», а в старших классах переводит на монгольский учебник физики. Способность Корнилова к языкам поражала его товарищей и наставников. Кроме знакомого с детства казахского, он в дальнейшем в совершенстве овладел также английским, немецким, персидским, узбекским, туркменским, киргизским и татарским языками, а общаться мог еще на добром десятке восточных языков и диалектов.

Выпускные экзамены Лавр сдал на отлично, и получил право выбрать любое высшее военное училище для дальнейшего обучения. Выбор пал на Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге, куда отбирались самые способные кадеты со всех концов Российской империи.

На этот раз к экзаменам он был подготовлен прекрасно, и, 25 августа 1889 года становится юнкером в выбранном им училище.

Здание Михайловского артиллерийского училища, старинная открытка

Надо сказать, это был прекрасный выбор. Уровень образования, получаемый в Михайловском училище, был высочайшего уровня. В разное время здесь преподавали такие известные ученые, как математики Михаил Васильевич Остроградский и Пётр Павлович Лавров, химики Герман Иванович Гесс и Леон Николаевич Шишков, физики Эмилий Христианович Ленц и Аксель Вильгельмович Гадолин, механик Иван Алексеевич Вышнеградский и многие другие. И здесь Корнилов, обладавший незаурядными способностями к наукам, в особенности к математике, становится одним из лучших. Спокойный нрав, трудолюбие и скромность снискали Лавру высокое уважение товарищей. Обладая непререкаемым авторитетом, он часто выступал в роли третейского судьи при возникающих спорах среди однокашников, а если у юнкеров возникали вопросы к руководству училища, делегатом выбирали непременно Лавра.

И ещё одна черта характера. Гордый и самолюбивый Корнилов не терпел низкопоклонства, что такое честь знал не понаслышке и всегда мог за себя постоять. Однажды один из курсовых офицеров позволил себе сделать замечание Корнилову в резкой и обидной форме, на что тут же получил должный отпор. Офицер был взбешён и сделал недвусмысленное движение. Не дрогнув ни единым мускулом, внешне спокойный, Лавр молча положил руку на эфес пашки. К счастью, свидетелем этого стал начальник училища генерал Чернявский, который мгновенно прекратил намечавшийся скандал. Тем не менее, юнкеру Корнилову грозил суд и отчисление из училища. Спасло его всеобщее уважение и признанный как товарищами, так и педагогами, талант. В характеристике по окончании училища было написано: «тих, скромный, добр, трудолюбив, послушен, исполнительен, приветлив, но вследствие недостаточной воспитанности кажется грубоватым и может показаться даже резким, что нельзя приписать его недисциплинированности. Будучи очень самолюбивым, любознательным, серьезно относится к наукам и военному делу, он обещает быть хорошим офицером. Дисциплинарных взысканий не было».

4 августа 1892 года, за две недели до своего 22-летия, юноша окончил училище по первому разряду и надел заветные золотые погоны подпоручика, став, таким образом, личным дворянином, то есть получившим это звание за личные заслуги.

Перед Лавром Георгиевичем открывалась прекрасная служебная перспектива, но он выбирает службу в Туркестанском военном округе, поближе к родным местам и уже в сентябре 1892 года прибывает в Ташкент, где начинает службу в 5-й батарее Туркестанской артиллерийской бригады. Это было началом славных дел будущего Верховного главнокомандующего России.

Глава вторая

Туркестан

Итак, заехав на несколько к родителям, молодой офицер прибывает в столицу Туркестана. Потянулись дни, заполненные строевыми занятиями, дежурствами, смотрами. Но, отдавая должное службе, молодой офицер продолжает заниматься самообразованием, изучает языки, сам даёт уроки, подрабатывая и помогая материально родителям. Вновь пробует себя в литературе, сочиняя эпическую поэму о герое казахского эпоса, Кенесар – батыре. К сожалению, поэма так и осталась незавершённой. Занимается он и просвещением своих солдат, к которым относится отечески. И они отвечают ему тем же, чувствуя в Корнилове своего, сына простого крестьянина. И в дальнейшем, на протяжении всей военной биографии Лавра Георгиевича, солдаты его боготворили. Даже генерал Брусилов, по какой-то причине, не любивший Корнилова, в своих воспоминаниях отдаёт ему должное: «Он всегда был впереди и этим привлекал к себе сердца солдат, которые его любили. Они не отдавали себе отчёта в его действиях, но видели его всегда в огне и ценили его храбрость».

А вот, что вспоминает Антон Иванович Деникин, чьи части во время знаменитого Брусиловского прорыва наступали рядом с войсками генерала Корнилова: «С Корниловым я встретился первый раз на полях Галиции, возле Галича, в конце августа 1914, когда он принял 48 пехотную дивизию, а я – 4 стрелковую (железную) бригаду. С тех пор, в течение 4 месяцев непрерывных, славных и тяжких боев, наши части шли рядом в составе XXIV корпуса, разбивая врага, перейдя Карпаты, вторгаясь в Венгрию. В силу крайне растянутых фронтов, мы редко виделись, но это не препятствовало хорошо знать друг друга. Тогда уже совершенно ясно определились для меня главные черты Корнилова – военачальника: большое умение воспитывать войска: из второсортной части Казанского округа он в несколько недель сделал отличнейшую боевую дивизию; решимость и крайнее упорство в ведении самой тяжелой, казалось, обреченной операции; необычайная личная храбрость, которая страшно импонировала войскам и создавала ему среди них большую популярность; наконец, – высокое соблюдение военной этики, в отношении соседних частей и соратников, – свойство, против которого часто грешили и начальники, и войсковые части».

В Ташкенте Лавр Георгиевич дослужился до поручика, однако сила характера, честность требовали большего, не давая останавливаться на достигнутом. Через три года поручик Корнилов подаёт рапорт на поступление в Академию Генерального Штаба, но для этого нужно было сначала выдержать испытания в штабе округа.

Весной 1895 года в Ташкент, для проведения предварительного отбора в Академию, прибыли двенадцать офицеров.

Штаб Туркестанского военного округа в Ташкенте

В результате лишь пять соискателей были допущены к вступительным экзаменам в Петербурге. Среди них был и Корнилов. В июле 1895 года командующий войсками Туркестанского военного округа Александр Борисович Вревский, подписал приказ, согласно которому офицеры, прошедшие конкурс, отправлялись в столицу империи для подготовки и сдачи вступительных экзаменов в Академию.

Осенью того же года Лавр Георгиевич получает наивысший балл из всех поступающих, и зачисляется в первый класс.

Глава третья

Академия Генерального штаба

Корнилов снял комнату в мансарде в отдалённом районе Петербурга. Жалованье, слушателя Академии, составляло 80 рублей, – не ахти какие деньги, а ведь ещё надо было помогать семье отца.

Потянулись дни учёбы – лекции, практические занятия, выезды в поле, экзамены.

На общем отделении академии, где обучался Корнилов, главными предметами были тактика, стратегия, военная история, военная администрация, военная статистика, геодезия с картографией, съёмкой и черчением, вспомогательными – русский язык, сведения по артиллерийской и инженерной части, политическая история, международное право и иностранные языки. И требования к слушателям были очень жёсткие.

Одноклассниками Корнилова были будущие генералы российской армии, покрывшие себя впоследствии славой на полях сражений: Лукомский, Эрдели, Абрамов, Бонч-Бруевич и другие. Будущий Донской атаман Африкан Петрович Богаевский так вспоминал Корнилова времён обучения в Академии: «Скромный и застенчивый армейский артиллерийский офицер, худощавый, небольшого роста, с монгольским лицом, он был незаметен в академии и только во время экзаменов сразу выделялся блестящими успехами по всем наукам».

Несмотря на загруженность, слушатели находили время и для развлечений. Лавр Георгиевич, несмотря на замкнутость характера, также время от времени участвовал в петербургской светской жизни. На одном из званных вечеров он знакомится с 22-х летней Таисией Марковиной, дочерью титулярного советника. Влюбляется сразу и навсегда. Вскоре молодые люди венчаются, и уже через год у них рождается дочь Наталья. Как жила молодая семья, мы можем узнать из воспоминаний сестры Корнилова, Анны: «Жена его, хорошенькая маленькая женщина, была из большой семьи и очень скучала в Петербурге. Все свои свободные минуты брат посвящал жене и временами занимался с ней французским языком. Оба мечтали иметь большую семью. Средства их были очень ограничены. 20-го делали подсчет и, если оставались лишки, шли покупать халву – любимое лакомство Таи, и позволяли себе пойти в театр».

В 1898 году состоялся очередной выпуск Николаевской академии Генерального штаба.

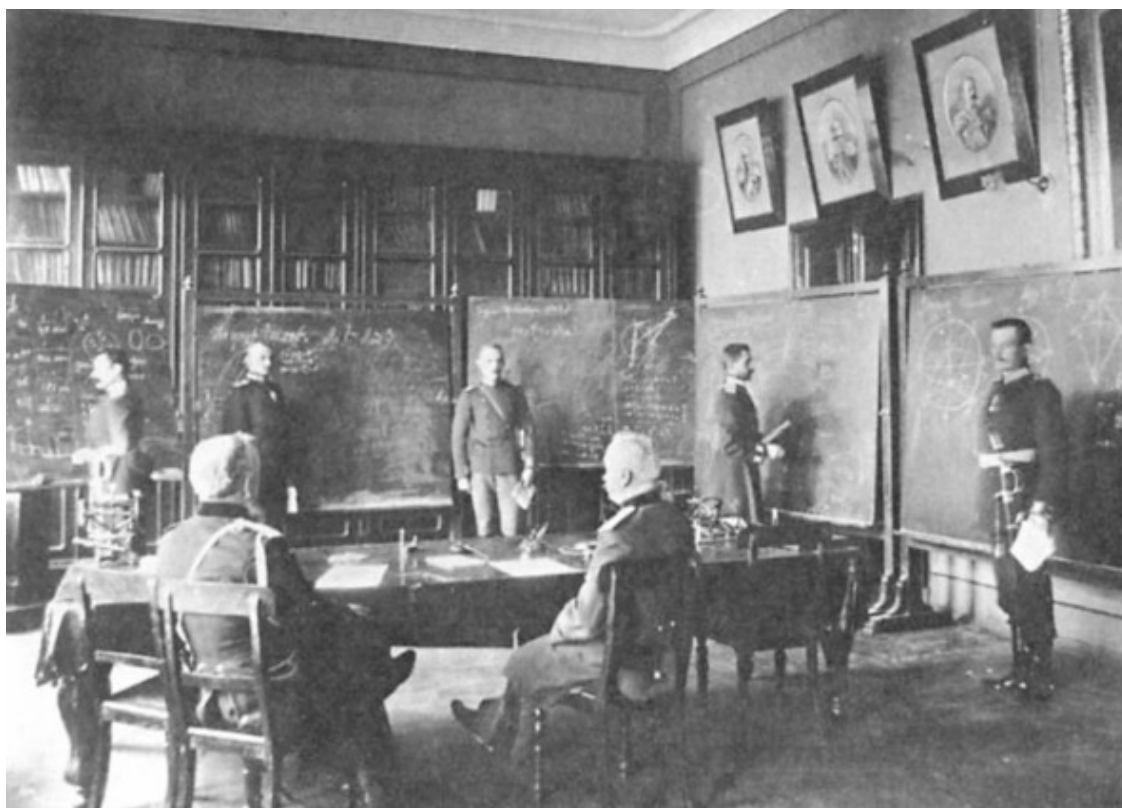
Экзамен в Академии

Список наиболее отличившихся был представлен императору для награждения. Первым в списке был штабс-капитан Туркестанской артиллерийской бригады Лавр Георгиевич Корнилов, завершивший обучение с лучшими результатами.

По сложившейся традиции имя лучшего выпускника было занесено на мраморную доску в конференц-зале Академии. В Царском Селе устраивается приём в честь новых выпускников. Император Николай II, лично поздравил каждого из выстроившихся перед ним офицеров. И здесь произошёл случай, до сих пор не разгаданный историками. Подойдя к Корнилову, государь задал несколько стандартных вопросов о его предыдущей службе. Лавр Георгиевич ответил также дежурно и обыденно. Император двинулся было дальше, но тут сопровождавший его военный министр Куропаткин, что-то шепнул ему на ухо. Царь остановился, с интересом посмотрел на Корнилова, и, больше не сказав ни слова, пошёл дальше. Не раз потом Лавр Георгиевич вспоминал этот эпизод, строя догадки, что же мог сказать о нём Куропаткин.

И вновь перед Корниловым, открывается блестящая перспектива, его «звёздный час», он мог, как лучший, выбрать любое, самое престижное место для продолжения службы. И он выбирает... вновь Туркестан.

В октябре 1898 года капитан Корнилов с семьёй уже в Ташкенте, но там не задерживается, уже через месяц получает новое назначение, в город Термез, где дислоцируется Первая Туркестанская линейная бригада.

Глава четвёртая

Дерзкий рейд в Афганистан

Легендарный командир, под чьим началом сделала свой первый боевой выстрел легендарная русская «трехлинейка», единственный русский военачальник, позволивший себе войти с войсками на территорию Британской Индии. В 1891 году он возглавлял охотничьи команды Туркестанских линейных батальонов и казаков на Алае и Памире, где очищал от афганских и китайских постов территории бывшего Кокандского ханства. В результате этих действий были арестованы британские агенты Дэвидсон и Янгхасбенд, а китайский пограничный чиновник Чань выдворен в Кашгар. Всё это вызвало широкий международный резонанс и, в конце концов, заставило английских дипломатов признать государственные границы России на Памире. Вот под начало этого славного командира и прибыл молодой выпускник Николаевской Академии.

Генерал М. Е. Ионов, фото В. Лапре.

Журнал «Разведчик». №104, 1892

Термез, древняя столица Бактрии, только недавно был занят русскими войсками. На другом берегу Аму-Дарьи находился Мазари-Шариф, главный город «афганского Туркестана». Здесь, у выхода из ущелья Гинду-Куш, для прикрытия путей и перевалов в Кабул, афганцы, с помощью британских инженеров, построили крепость Дейдади. Она была сооружена по последнему слову военно-инженерной мысли и считалась неприступной. Всё это соответствовало политике «Большой игры». Англичане, таким образом, укрепляли дальние подступы к Индии.

Ионов мечтал выяснить всё, что возможно об этой крепости, в первую очередь характер воздвигнутых англичанами укреплений. Но Дейдади стояла в 50 верстах от берега, а афганцы были бдительны, и участь пойманных лазутчиков была незавидна. Однажды Михаил Ефремович посетовал на эту проблему в присутствии молодого капитана. Корнилов молча выслушал генерала, а в конце вечера попросил разрешения уехать в отпуск на три дня по личным обстоятельствам. Ионову нравился старательный офицер, и он дал согласие. К тому времени Лавр Георгиевич сблизился с туркменами, служившими в русской армии. Он полюбил этих гордых и смелых воинов. И они отвечали ему взаимностью, прежде всего, потому, что он разговаривал с ними на их родном языке так же свободно, как и они. Забегая вперёд, скажу, что неизменно, до конца жизни, генерала Корнилова охраняли туркмены-текинцы.

Лавр Георгиевич решается на дерзкий рейд к афганской крепости, для чего просит туркмен сопровождать его на ту сторону Аму-Дарьи. Туркмены согласились, но с одним условием:

– Обещай, что ты живым в плен не сдашься. Если будет неудача, мы примем мучительную смерть.

– Последнюю пулю я оставляю себе – ответил Корнилов. Живым меня не возьмут.

Не минуты не медля, он, в тот же вечер наголо обрил себе голову, переделался в туркменскую одежду и на рассвете 13 января 1898 года, маленький отряд, состоящий из трёх человек, двинулся к реке, в смертельно опасный поход.

Только в 40 верстах от Патта-Гиссара (так тогда назывался Термез) разведчики нашли подходящее место для переправы. Сделав плот из овечьих бурдюков, успешно переправились через Аму-Дарью на афганский берег у небольшого городка Чушка-Гузар. Здесь, пересели на лошадей, загодя приготовленных в ближайшем селении. Не теряя времени двинулись дальше и уже на рассвете достигли крепости. Однако, разглядеть детали укреплений в пред-рассветном тумане было невозможно. У самой крепостной стены заметили чайхану, где сидели

караульные афганские солдаты. Лавр Георгиевич решительно повел своих спутников внутрь и приказал подать еду. Солнце уже осветило крепость, когда к ним подъехал афганский офицер, заметивший чужаков. На вопрос, – кто такие, Корнилов ответил, что они нукеры, желающие поступить на службу к эмиру Афганистана Абдурахман-хану. Офицер, удовлетворённый ответом, оставил их в покое. Опасность миновала и Корнилов со спутниками направляется к крепости, попутно отмечая в памяти каждую деталь. Ему удается сделать пять фотоснимков и хладнокровно произвести съемку двух дорог, ведущих к российской границе. Кроме получения чисто военной информации, Корниловым были зафиксированы последствия столкновений, происходивших около 60 лет назад, между местным населением и афганцами, что явилось весьма ценными данными для историков и исследователей Средней Азии. Вот, что впоследствии писал в своём отчёте Лавр Георгиевич: «Всюду были видны следы разрушения и запустения: развалины кишлаков, брошенных, по-видимому, недавно, городов с остатками огромных башен, стен, минаретов и зданий со следами древней высокой архитектуры тянулись на несколько верст по сторонам пути. По рассказам туркмен, всего лишь лет 60 тому назад все эти развалины представляли цветущие города и селения, обитаемые таджиками и узбеками. С появлением в долине Амударьи афганцев, Хаджа-Нахр начала пустеть, население ее, спасаясь от притеснений и поборов, стало разбегаться, и результатом полувекового господства афганцев в Чарвилаете было полное запустение некогда цветущих, огромных городов Сиягырта, Бербер-Шахара и Балха».

Дерзко, среди бела дня, проехав пятьдесят верст по неприятельской территории, разведчики, при помощи команды охотников 13-го туркестанского батальона, 15 января переправляются на свой берег.

Не теряя ни минуты, Корнилов спешит к генералу Ионову и протягивает тому фотографии и чертежи укреплений. «Это крепость Дейдади» – объясняет он потрясённому генералу.

– Господи, но ведь вы страшно рисковали, – воскликнул генерал, – ведь вас же могли посадить на кол.

– Эти сведения стоили того, – спокойно ответил Лавр Георгиевич.

Ионов тотчас отправляет в Ташкент, подробный рапорт о дерзком рейде, хлопоча о награждении капитана Корнилова орденом Святого Владимира с мечами и бантом. Командующий, однако, посмотрел иначе на несанкционированную акцию. Генерал Ионов получает строгий выговор за то, что рисковал молодым способным офицером. Сам же Корнилов получил выговор и угрозу месяца ареста за повторение подобного.

Корнилов (справа) и Мулла-Рузы после афганского рейда.

Фото из архива семьи Снесаревых

Но это была официальная реакция на нарушение воинской дисциплины, другое дело, что инициативный, отважный, владеющий иностранными языками, способный к разведывательной деятельности офицер, был замечен соответствующими службами.

А смелый рейд Корнилова к крепости Дейдади стал образцом для последующих операций подобного рода. Сведения же, добытые разведчиками, оказались бесценными. В руках русского командования оказались карты и снимки не только крепости Дейдади, но и планы укреплений Шор-Тепе, крепости Тахтапуль, чертежи афганских воинских казарм, места расположения крепостной артиллерии. Корнилов провел съемку дорог от переправ через пограничную реку к Дейдади, привез описание характера укреплений и анализ пропускных возможностей коммуникаций, обзор приграничной северной области Афганистана. Как вспоминал впоследствии генерал Иван Павлович Романовский (впоследствии один из ближайших сподвижников Корнилова по Добровольческой армии): «Разведка крепости Дейдади, разбиралась в войсках как пример тщательно планированной операции и прибывших на службу в Туркестан офицеров специально знакомили с этой чрезвычайно опасной экспедицией».

Приведу письмо капитана Корнилова начальнику штаба Туркестанского военного округа генералу Н. Н. Белявскому, опубликованного в «Документах русской истории», №6 (60). 2002 г.

Л. Г. Корнилов – Н. Н. Белявскому.

Урочище Термез. 21 января 1899 г.

Ваше превосходительство, милостивый государь Николай Николаевич.

Два с лишком месяца прожил я в Патта-Гиссаре, исполняя поручение, возложенное на меня Вашим превосходительством (). Дело заинтересовало меня с самого начала, и я старался вести его с возможною тщательностью, насколько хватало сил и умения. *неофициально Корнилов получил задание собирать сведения об Афганском Туркестане, прим. В.Ф.*

Не мне, конечно, судить – соответствуют ли полученные результаты затраченному труду и средствам, но лично меня эти результаты не удовлетворяли.

Все-таки это были лишь расспросные сведения, за достоверность которых я, даже находясь у их первоисточника, не мог ручаться. Особенно смущал меня вопрос о крепости Дейдади. О ней ходили всевозможные слухи: то ее изображали простой азиатской калой, то она являлась чуть ли не крепостью европейского характера, с фортами, батареями и проч. Взглянуть на нее самому было слишком соблазнительно, и чем далее, тем искушение становилось все сильнее и сильнее. В конце концов, я не устоял против него.

В ночь с 12 на 13 января, переодетый туркменом, в сопровождении двух других туркмен (одного с нашего берега, другого с афганского), я переправился на гупсарах в Чушка-Гузаре и, по дороге через Даулетабад и Балх, прошел в Дейдади. На обратном пути мы осмотрели Тахтапуль, прошли близ Мазари-Шарифа и через Сиягырт вернулись к Термезу, где нас приняли на лодки охотники 13го батальона, охотившиеся на острове Арал-Пайгамбаре. Поездка сошла вполне благополучно, никаких инцидентов не было; я уверен даже, что на той стороне никто и не подозревает того, что русский офицер побывал в Дейдади. Для предупреждения же распространения слухов о моей поездке здесь, в Патта-Гиссаре, приняты надлежащие меры.

Я сознавал, Ваше превосходительство, что, решаясь на такое дело, не имея на него Вашего разрешения, я совершаю крупный проступок, но, с другой стороны, я был твердо убежден, что Ваше превосходительство соизволите принять во внимание побуждения, руководившие мной, и, в случае нужды, не откажете в своем заступничестве.

Что касается до результатов поездки, – они таковы: 1) осмотрено укрепление, выстроенное против Чушка-Гузара и набросан его план. 2) Сняты глазомерно в масштабе 6 вёрст в дюйме Шор-Тепе – Балх – Дейдади и Дейдади – Тахтапуль – Сиягырт до начала песков. В песках мы заблудились. 3) Набросан план Дейдади и сделаны с нее фотографические снимки, из которых один представляю при сем Вашему превосходительству. 4) Осмотрена крепость Тахтапуль. К сожалению, снимки с Тахтапуля вышли не совсем удачно и требуют некоторых дополнительных работ, которые можно произвести только в хорошей лаборатории. Все добытые во время поездки сведения приводятся мною в порядок и будут представлены Вашему превосходительству по их обработке.

Кроме того, – в моем распоряжении имеется еще один важный документ: мне удалось достать один экземпляр книги о «Джихаде» (священной войне), изданный эмиром Абдуррахман-ханом.

В виду важности документа я не решился послать его по почте, почему телеграммою от 18 января и просил разрешения Вашего превосходительства приехать в Ташкент, для личного доклада. Получив вчера предписание о командировании для осмотра границы, – я выезжаю туда завтра и вновь прошу Ваше превосходительство, в виду указанной выше причины, вызвать меня, по возвращении из Чубека, в Ташкент.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашего превосходительства покорный слуга

Капитан Корнилов.

Итак, способности молодого офицера были замечены и высоко оценены. В августе 1899 года его переводят на должность старшего адъютанта штаба Туркестанского округа в Ташкенте. Но вскоре способности Корнилова как разведчика были востребованы вновь, и он направляется на границу с Афганистаном южнее Кушки. Здесь Лавр Георгиевич работает над изучением направления на Меймань и Герат. И опять ему в этом нелёгком деле помогают верные текинцы. В это же время по приказанию командующего Туркестанского военного округа Корнилов часто выезжает в малоизученный регион Патта-Гиссар и Чубек для осмотра и уточнения пограничной полосы.

В октябре 1899 года Корнилов выезжает сначала в Ашхабад для участия в разработке оперативных мер на случай войны с Великобританией, а затем срочно отзывается в Ташкент. На него возлагается решение новой серьезной и весьма ответственной задачи. Приказом Генерального Штаба капитан Корнилов командировается в Кашгар – крупнейший город Сицзянской провинции Китайской Империи. Здесь располагалось единственное в Восточном Туркестане российской консульство, служившее, кроме всего прочего, центром русских исследований Тянь-Шаня и Памира.

Глава пятая

Кашгар

В декабре 1899 года, Генерального штаба капитан Корнилов, вместе со своим помощником подпоручиком В. Е. Кирилловым и офицером связи поручиком Н. М. Бабушкиным, отправляется с исследовательской и разведывательной миссией в далёкую Кашгарию, где и встречает наступление XX века.

Должность, которую должен был занять Лавр Георгиевич, официально называлась «Офицер Генерального штаба, состоящий при Российском Императорском Генеральном консульстве в Кашгаре».

Российское консульство в Кашгаре должно было быть открыто в соответствии со ст. 8 Пекинского дополнительного договора 1860 г. о границе и торговле в Западном Китае. Однако восстание мусульман против китайского владычества превратило Восточный Туркестан в район боевых действий, и первый русский консул смог появиться в Кашгаре лишь спустя 22 года. Им стал выдающийся дипломат, учёный и разведчик Николай Фёдорович Петровский.

Первый российский консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский и здание русского консульства

Петровский чрезвычайно много сделал для усиления русского политического и торгового влияния в Кашгарии. Придавая огромное значение негласному сбору информации, им была заложена основа разведывательной деятельности с привлечением агентов из местного населения, которые действовали в Кашгарии, афганском Бадахшане и при гиндукушских княжествах. Иностранцы путешественники отмечали «всемогущее влияние» на местные власти русского консула, казавшегося подлинным властителем Кашгарии, – «кашгарским падишахом». «В Кашгаре есть два начальника, – говорил шведскому путешественнику Свену Хедину глава местной китайской администрации (даотай) Шань, – я и русский консул».

Кроме защиты торговых интересов России в Восточном Туркестане, Николай Фёдорович уделял внимание и политическим вопросам. С некоторыми донесениями консула знакомился лично император Александр III. Британцы же считали русского консула «одним из самых осведомленных в нюансах мировой политики людей». Николай Фёдорович осуществлял дипломатическое прикрытие борьбы за Памир, став одним из главных соиздателей победы России в этой схватке. По горьким воспоминаниям британского консула Дж. Макартни, английское влияние в Кашгарии, в результате деятельности Петровского, сошло практически на нет. Именно при Петровском в Кашгаре стала действовать постоянная резидентура русской военной разведки, которая состояла из прикомандированных к консульству офицеров Генерального штаба. Первым таким офицером и стал капитан Л. Г. Корнилов.

Поездке капитана Корнилова в Синьцзян предшествовали события, которые, собственно, и стали причиной появления должности офицера Генштаба при консульстве в Кашгаре. Расскажем об этом чуть подробнее.

К середине 90-х годов XIX века, Британия, где кнутом, а где пряником подчинила себе пригундукушские княжества Северной Индии – Гилгит, Хунзу (Канджут и Нагор), Читрал, поставив там послушных правителей. Тем самым англичане обеспечили себе кратчайший и удобный путь из Индии в Восточный Туркестан. Руководствуясь доктриной Мак-Грегора, которую тот изложил в работе «Оборона Индии», индо-британские власти стремились как можно дальше отодвинуть от своих границ территории находящиеся под влиянием России. С этой целью подстрекаемый британцами правитель Хунзы Мухамед Назим-хан предъявляет «исторические права» на часть китайской территории Южной Кашгарии – Раскем, Тандумбаш-Памир и часть Сарыкола. Ещё одной причиной стало обнаруженные в этих землях

признаки присутствия золота. В конце октября 1897 г. в Тагдумбаш-Памире появляются два британских оазведчика – капитаны Г. Дизи и Р. Кобболд. Дизи занялся топографическими съёмками в долине р. Раскем, а Кобболд отправился под видом частного лица в Кашгар, якобы для охоты. Петровскому, имеющему агентуру на всей территории Кашгарии, становится известно о появлении англичан. Также он устанавливает, что Кобболд является политическим агентом в Гилгите (Кашмир). В одном из писем чиновнику МИДа Плансону, русский консул с возмущением пишет: «Я ещё могу понять и допустить, когда путешественник или какой-нибудь агент для каких-либо целей обманно, на свой риск и страх, проникает в страну; но если первый министр Великобритании обращается к русскому министру с просьбой о пропуске к нам „для охоты“ частного, будто бы, лица, которое в действительности есть политический агент и о котором, конечно, можно найти указание в любом английском адрес-календаре, – это, по моему мнению, верх наглости. – Шпионы – продолжал Петровский, – везде есть и всегда будут, но я первый раз вижу, чтобы их посылали с таким цинизмом».

Быстро понял русский консул и то, что англичане: «приготавливают разграничение Кашгарии с кашмирскими владениями и идут пока сзади канджутцев, подучив их требовать у китайцев земель по Раскем-Дарье». И полетели донесения консула в МИД, Главный штаб и штаб Туркестанского военного округа. Отправляется письмо и губернатору Синьцзянской провинции, с разъяснением пагубности решения о передачи земель Хунзе. Но, как пишет З. И. Зайченко: «должно быть велико было влияние англичан, если китайский губернатор хотя и согласился вполне с доводами нашего генерального консула и был чрезвычайно признателен за любезность, но остался при своём убеждении, что при бедности канджутцев, для доставления им жизненного пропитания, он разрешил уступить им для запашек просимые земли и приказал командировать на Раскем чиновника, с целью отмежевания потребной канджутцам земли».

В связи с возникшей угрозой, губернатор Ферганской области А. Н. Повало-Швейковский предлагает Туркестанскому генерал-губернатору барону Вревскому вновь возбудить пограничный вопрос с Китаем, который был не вполне завершён в 1895 г., и перенести пограничную черту с Сарыкольского хребта дальше на восток. «С захватом Тагдумбаша, – пишет он в своём письме, – влиянию Англии подчинится, конечно, и весьма важный для нас в стратегическом отношении Сарыкольский округ Кашгарской провинции, что, в свою очередь, откроет англичанам свободный и вполне удобный путь через Ташкуртан, Тагарму, Булункуль и далее на Кашгар [...] было бы своевременным возбудить вопрос о разграничении с Китаем, об установлении прочной постоянной линии, перенеся временно условленную ныне граничную черту с Сарыкольского хребта, начиная от перевала Беик, далее на восток к отрогам Мустагского хребта, что дало бы нам возможность парализовать английские происки и заслонить прямой путь из Кашмира в Кашгар».

Вревский, в свою очередь, сообщает об этом военному министру А. Н. Куропаткину. Началось противостояние. Русскими властями было аннулировано разрешение, выданное капитану Кобболду на посещение Памира. 11 июня 1898 в кишлаке Калаи-Вамар начальником Памирского отряда капитаном Э. К. Кивекэсом англичанин был арестован. Правда, особого дискомфорта во время ареста Кобболд не испытывал. Русские приняли его достаточно тепло. Он посещал товарищеские вечеринки, охотился в окрестностях поста. Единственно, что ему было запрещено фотографировать сам пост. Но, и этот запрет был чистой формальностью. Кобболдом, в частности, был сделан замечательный групповой снимок офицеров и нижних чинов Памирского отряда. Через несколько дней, британский разведчик был вынужден вернуться в Кашгар.

Офицеры и нижние чины Памирского отряда на посту Хорог. Снимок британского майора Кобболда. Из коллекции М. К. Басханова

В августе 1898 г. Петровскому удалось получить от китайских властей разрешение установить почтовое сообщение с Памирским отрядом через Сарыкол. Это давало «полную возможность следить за положением дел в этой местности». Для этого Петровский предлагал «посылать со стороны Памира через Сарыкол в консульство, под видом почтарей, разведчиков, и даже, если будет нужно, держать одного из них постоянно в Ташкургане (на Сарыколе)». Консула поддержал новый туркестанский генерал-губернатор С. М. Духовской, сменивший барона Вревского. Он предложил Куропаткину направить в Кашгар офицера Генерального штаба. В свою очередь министр иностранных дел, во всеподданнейшей записке от 21 июля 1899 г. о переговорах с китайцами по поводу территориальных приобретений на Тагдумбаш-Памире предлагал военному ведомству принять все необходимые меры «к ограждению русских интересов вблизи Сарыкола». Император Николай II, обратив на содержание записки «серьёзное внимание», отметил, что «без энергических представлений или мер». Англия «не остановится в своих действиях».

В Пекине посол России М. Н. Гирс 2 августа 1899 г. указал китайским властям, что Россия не оставит без внимания факт передачи территории другому государству и примет «надлежащие меры во избежание нарушения». В ответ правительство Китая, пойдя на попятную, заверило, что Канджуту «не будет уступлено никакой территории».

Петровский предлагает попросту занять Сарыкол и Тагдумбаш под предлогом бурного развития контрабанды и укрытия андижанских преступников. «Андижанцами» в Восточном Туркестане называли всех выходцев из Средней Азии, приезжавших с торговыми и иными целями. В ответ на запрос А. Н. Куропаткина, что нужно делать, «если англичане будут упорствовать получить Тагдумбаш». Духовской предложил содержать при российском генеральном консульстве в Кашгаре офицера Генерального штаба для разведывательной деятельности, установить почтовое сообщение Кашгара с Ферганой и Памиром «посредством джигитов» и усилить охрану консульства. 29 сентября 1899 г. на первые два предложения было получено «соизволение» императора Николая II. Вот благодаря чему, 19 декабря 1899 г. в Кашгар прибыл капитан Л. Г. Корнилов со специальным заданием по «сбору точных и обстоятельных сведений военно-политического характера о Кашгарии вообще и Сарыколе в частности и обо всех сопредельных с Кашгарией странах». Особое внимание предписывалось «обратить на деятельность везде там англичан и других». Кроме того, осуществить в течение года «подготовку и обработку материалов для составления полного военно-статистического описания страны», в котором «особое внимание» надлежит уделить Гилгиту, как центру английского влияния в Восточном Туркестане. При этом поездки по стране Корнилов обязан был предпринимать «не иначе как с согласия» генерального консула Н. Ф. Петровского и вообще «сообразовываться» в своей деятельности с его указаниями. Таким образом начало двадцатого века Корнилов встречает в Кашгарии, в самом центре «Большой игры», как называли противостояние между Великобританией и Россией за преобладание в Азии.

Кашгария, общее название шести городов в Восточном Туркестане, относилась в то время к Синьцзянской провинции Китайской империи. На севере она граничила с Урумчийской и Илийской областями провинции и с российской Семиреченской областью. На западе – с Ферганой, «русскими Памирами» и афганским Ваханом. На юге – с подконтрольными англичанам Канджутом, Кашмиром и китайским Тибетом, а на востоке – с Ансийским и Кунятуф-фанским округами той же китайской Синьцзянской провинции. Именно вот это важнейшее геостратегическое положение Кашгарии, лежавшей на пересечении древних караванных маршрутов Великого шелкового пути, и послужило причиной многолетнего англо-русского соперничества.

Должность, которую должен был занять Лавр Георгиевич, официально называлась офицер Генерального штаба при российском консульстве. Кроме негласных разведывательных

задач Корнилову вменялись обязанности начальника консульского конвоя. В его подчинении находилась полусотня казаков Оренбургского казачьего полка.

Корнилов, сразу по прибытию, развивает активную деятельность – знакомится с китайскими чиновниками, торговцами и предпринимателями, налаживает агентурную сеть, много ездит по стране для изучения состояния караванных путей и их пригодности для передвижения войск. Уже в декабре он отправляется в первый поход – рекогносцировки дороги от укрепления Иркештам до города Кашгар. В марте 1900 г., в сопровождении двух казаков изучает пути от Кашгара к Яркенду. В октябре – ноябре того же года – вместе с подпоручиком Кирилловым и двумя казаками Корнилов совершает дальнюю разведку по маршруту Кашгар — Янгигиссар – Яркенд – Каргалык – Гуму – Хотан. Всего Корнилов проехал по труднейшим горным тропам и безводным пустыням более 2000 вёрст. И всё это в условиях вспыхнувшего в Китае Ихэтуаньского восстания, когда все иностранцы на территории Цинской империи подвергались не шуточной опасности.

Совершенно понятно, что столь активная деятельность русского офицера тотчас попадает в поле зрения, как китайских властей, так и английской разведки. Британский консул Джордж Макартни, один из главных персонажей «Большой игры», регулярно информировал штаб своей армии о передвижениях Корнилова.

Первым действенным результатом работы капитана Генштаба было устройство поста между Кашгаром и Памирским отрядом и составление схемы почтового сообщения между Ошем и Памиром. Кроме того, Лавр Георгиевич регулярно передавал важную информацию, содержащую сведения о положении дел в Кашгарии.

Корнилов, как и Петровский был сторонником военного решения «Сарыкольского кризиса». Правда, впоследствии Николай Фёдорович диаметрально поменял свои взгляды по этому вопросу. Надо сказать, отношения между консулом и офицером Генштаба, также претерпели изменения от достаточно тёплых, до резко конфликтных.

После первой встречи Корнилов отзывался о Петровском весьма благожелательно. Вот, что он сообщает в письме к начальнику Ошского уезда полковнику В. Н. Зайцеву.

«Что касается Н. Ф. Петровского, личность которого изобразили мне в Ташкенте в самом непривлекательном свете, – он с первой же встречи произвел на меня глубокое и вместе с тем самое отрадное впечатление своим оригинальным, светлым умом, широтой взглядов и глубоким пониманием Азии; я не говорю уж о его широком чисто русском гостеприимстве, которым мы пользуемся наравне с остальными членами колонии с первого дня приезда. В делах служебных, несмотря на наличность в данной мне инструкции значительного числа пунктов, могущих вызвать недоразумения, – у нас все идет гладко: я встречаю с его стороны энергичное и полное содействие; относительно Сарыкола мы вполне сходимся во взглядах и в настоящее время усиленно, соединенными силами муссируем этот вопрос».

В конце же своего пребывания в Кашгаре, свои отношения с консулом Корнилов рисует совершенно другими красками: «Почтеннейший Н. Ф. засыпал Штаб мольбами на меня. Теперь жалуется, что я оказался неблагодарным – пользовался его библиотекой, разведчиками и его личными сведениям, – а начальство мое упрекает его в несочувствии к пребыванию в Кашгаре офицеров». Именно конфликт между этими двумя людьми и привёл к тому, что Корнилов 15 августа 1901г. возвращается в Ташкент. Вот что пишет Лавр Георгиевичу тому же адресату: «К закорючкам дипломатии, следуя совету Вашему, отношусь философски. Консул занимается кляузами – это его привычка и, пожалуй, излюбленное с давних пор ремесло, почему претендовать на порядочность в его отношениях ко мне я не имею основания. [...]. Я давно уже подал рапорт об отчислении и со дня на день жду ответа из Штаба. Удивляюсь, почему последний задержан. На днях подаю рапорт вторично, мотивируя его необходимостью принять роту для ценза и окончанием возложенных на меня работ». Впрочем, к тому времени все основные задачи были выполнены. В Ташкенте Корнилов занимается обработкой получен-

ных материалов. В марте 1901 г. выходит его статья «Очерк административного устройства Синьцзяна», датированная «Кашгар, 15 декабря 1900 года». Год спустя исчерпывающая работа «Вооруженные силы Китая в Кашгарии», итогом же стала, вышедшая в 1903 году книга «Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-стратегического описания», принесшая автору заслуженный успех и до сих пор считающаяся одним из наиболее полных описаний этой территории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.